

Нов. Епархиальное Ведомство
1905 г. — 1425 — № 22.

(Миргородская, 3); прот. I. Ант. Философова (Сергиевская, 25); прот. А. А. Владимірскаго (В. Московская, 1—2); Нав. П. Цвѣткова (Владимірскай, 2); прот. П. И. Силина (дух. семинарія); сваящ. I. I. Бланкова (Кронштадтъ); Н. П. Высокоостровскаго (В. Московская, 1—2); сваящ. Л. Ао. Лѣслицкаго (Рижскій, 52); Сад. Яв. Климовскаго (Максимиліановскій пер., д. 17, кв. 5).

Желательно, чтобы квитанціонныя книжки съ членскими взносами присылались *не позже 31 декабря* каждою годо о. казначею для записи пожертвованій въ общую приходо-расходную книгу.

Е. I. Бѣляевъ, священникъ Дмитріевской Городищенской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда.

(† 17-го апрѣля 1905 г. Біографическій очеркъ *).

17-го апрѣля сего года, въ день воспоминанія Православною Церковію величайшаго христіанскаго торжества надъ смертію, скончался на 68-мъ году жизни одинъ изъ достойнѣйшихъ священно-служителей Новгородской епархіи: О. Евгений Іоанновичъ Бѣляевъ, священникъ Дмитріевской Городищенской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда. Далекое не блещетъ богатствомъ содержанія послужной формуляръ этого скромнаго сельскаго пастыря—труженика, не сложна показная сторона его жизни, но зато по характеру внутренняго, такъ сказать, своего содержанія и по значенію выполненнаго служебнаго долга глубокою поучительностію вѣетъ отъ этой жизни. Въ лицѣ почившаго отомель въ вѣчность съ жизненнаго попроща одинъ изъ симпатичнѣйшихъ представителей духовенства старой школы, отличавшіяся неподкупною честностію, строгостію къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, полнѣйшею нестяжательностію, истинно христіанскою скромностію, крайнею престоію и нетребовательностію въ отношеніи внѣшнихъ житейскихъ условій, неутомимымъ трудолюбіемъ, неукоснительнымъ исполненіемъ велѣній священно-служебнаго долга, обывательскою уживчивостію и воздѣйствіемъ силою одного нравственнаго авторитета среди темной крестьянской паствы.

*) Помѣщаемъ полностью этотъ очеркъ по обилію въ немъ бытовыхъ подробностей. Со своей стороны, не можемъ не высказать своего благоговѣйнаго преклоненія предъ жизненнымъ подвигомъ подобныхъ почившему пастырей нашей, бѣдной средствами, епархіи.

Сынъ пономаря при Николаевской село—Никольской церкви, Кирилловскаго уѣзда, о. Евгенийъ лишился еще въ отрочествѣ своего отца,—послѣ смерти котораго остались сиротами на попеченіи матери, впоследствии пресвирни при той же церкви, три сына и три дочери. Мальчикъ Евгенийъ еще до школьнаго возраста испыталъ нужду во всей ея неприглядной наготѣ. Низшее образованіе получено имъ въ Кирилловскомъ духовномъ училищѣ, среднее полное—въ Новгородской духовной семинаріи. Несмотря на суровую спартанскую систему тогдашняго воспитанія въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при непремѣнномъ воздѣйствіи розги, о. Евгенийъ до конца своей жизни съ видимымъ удовольствіемъ дѣлился, бывало, въ бесѣдѣ со своими дѣтьми, при сопоставленіи въ отношеніи режима новой школы съ прежней,—эпизодами изъ своей школьной жизни и не иначе какъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о своихъ бывшихъ суровыхъ воспитателяхъ—учителяхъ. Въ длинномъ номинальномъ спискѣ лицъ, часто лишь поверхностно—когда-то знакомыхъ,—о спасеніи душъ коихъ о. Евгенийъ считалъ свою священною обязанностію чинить поминовеніе за проскомидіей и возносить прошенія на эктеніи, имена бывшихъ его воспитателей педагоговъ занимали почетное мѣсто.

Вскорѣ же, по окончаніи въ 1859 году полного курса наукъ по 2-му разряду въ Новгородской духовной семинаріи, послѣ зачисленія кандидатомъ на должность священника при Тихвинской Везгумской церкви Бѣлозерскаго уѣзда, Евгенийъ Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ своею землячкою и сверстницею, дочерью священника вышепоименованной Никольской церкви, Агніей Глѣбовной Бѣлоликовой, скончавшейся 17 мая 1897 г. послѣ тридцати семи лѣтней совмѣстной трудовой супружеской жизни.

Привѣтливо встрѣтилъ молодого пастыря маленькій приходъ Везгумъ, состоящій изъ 250—300 душъ обоего пола. По своей крайней бѣдности жители этого прихода не могли доставить своему пастырю матеріальныхъ выгодъ; значительный надѣлъ пахотной и сѣнокосной церковной земли,—за недостаткомъ сбыта, при отсутствіи спроса и сносныхъ путей сообщенія,—не окупалъ затрачиваемаго на ея обработку труда. Совмѣстная открытая жизнь въ одномъ селѣ съ прихожанами *) давала о. Евгению полную возможность знать ихъ нужды, и онъ, дѣйствительно,

*) Везгумскій причтъ не обособленъ, какъ это чаще всего бываетъ, въ отдѣльное поселеніе отъ своихъ прихожанъ.

не упускалъ случая входить въ положеніе каждаго изъ нихъ: утѣшалъ, наставлялъ, поучалъ ихъ благовременно и безвременно словомъ и примѣромъ собственной высокопоучительной жизни.

Съ каждымъ почти годомъ все болѣе увеличивавшаяся семья, состоявшая на двѣнадцатый годъ священнослуженія о. Евгенія изъ пяти сыновей и одной дочери, изъ коихъ старшій находился уже въ учебномъ возрастѣ, при отсутствіи всякой возможности дать образованіе своимъ дѣтямъ на тѣ скудныя средства, какія могъ доставить приходъ, неоднократно побуждали о. Евгенія утруждать епархіальное начальство просьбами о переводѣ его на другое, болѣе оплачивающееся мѣсто, какимъ и оказался впоследствии приходъ Городище, съ двумя приписными церквями Казанскою Слободскою и Преображенскою Пустыньскою, состоявшею въ общемъ изъ 900 душъ обоего пола. Трогательную сцену по своей сердечности представляли проводы Везгумскими прихожанами о. Евгенія и его семьи, высоко поднимавшаго за 11-ть слишкомъ лѣтъ священнослуженія авторитетъ пастыря, далеко по находившійся на надлежащей высотѣ при его предшественникѣ: плачь былъ достоинствомъ не только женщинъ, но и пожилыхъ мужчинъ и самого о. Евгенія. Рѣзко бросалось въ глаза, что только крайняя необходимость заставляла о. Евгенія расстаться съ достойно оцѣнившею его маленькою паствою.

Новый приходъ, дѣйствительно, представлялъ больше матеріальныхъ преимуществъ по сравненію съ Везгумомъ, въ смыслѣ доходности и надѣла пахотной и сѣнокосной земли и значительнаго участка лѣсной дачи при приписной Слободской церкви, тѣмъ болѣе, что расположеніе прихода вблизи, въ 20-ти верстахъ отъ Маринской системы, давало возможность сбыта избытка въ хлѣбѣ и фуражѣ. Но въ скоромъ времени, года черезъ три послѣ перемѣщенія о. Евгенія на Городище, по распоряженію епархіальнаго начальства, приходъ Пустынь, находящейся въ 10-ти верстахъ отъ Городища и въ 5-ти отъ Богородице-Рождественской Шольской церкви, былъ приписанъ къ сей послѣдней церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ доходность Городищенскаго причта значительно сократилась. И здѣсь, какъ и въ Везгумѣ, жители не отличаются зажиточностію: у большинства собственнаго хлѣба едва хватаетъ до Рождества Христова, поэтому вознагражденіе за требоисправленіе взымалось [по самой минимальной таксѣ—не свыше 2 коп. за такъ называемое „свято“, *) 20 к.

*) Краткое молебствіе во время храмовыхъ праздниковъ.

за крестины и похороны, 1 коп. за исповѣдь до отмѣны этого сбора указомъ Св. Синода, 1-го рубля за заказную обѣдню, 2-хъ рублей за совершеніе таинства брака, 1-го рубля за поминове-ніе имени при богослуженіи въ теченіе года и т. д. Эта такса не измѣнялась о. Евгеніемъ почти за все время 34-хъ лѣтняго священнослуженія его на Городищѣ, несмотря на то, что вездѣ въ сосѣднихъ приходяхъ требоисправление несравненно выше оплачивалось. „Пусть преемники мои измѣняютъ установившуюся вѣками практику оцѣнки труда по требоисправленію“, обыкновенно говаривалъ о. Евгеній.

Въ виду ничтожной доходности, какую требоисправление доставляло причту, состоявшему къ тому же въ теченіе 20-ти изъ 34-хъ лѣтъ священнослуженія на Городищѣ изъ двухъ псаломщиковъ и штатной просвирни, о. Евгеній, для пропитанія и образованія многочисленной семьи, состоявшей уже изъ 7-ми сыновей и 3-хъ дочерей, долженъ былъ обратить особенное вниманіе на занятіе земледѣліемъ. Со вступленіемъ старшихъ дѣтей въ школьный возрастъ для о. Евгенія настала самая страдная пора жизни, продолжавшаяся за все время образованія дѣтей въ теченіе 25-ти лѣтъ. Содержаніе дѣтей подросткомъ до трехъ одновременно на частной квартирѣ въ г. Бѣлозерскѣ, для полученія ими образованія въ мѣстныхъ духовномъ училищѣ и женской прогимназіи, а съ теченіемъ времени—въ общежитіяхъ въ Олонецкой и Новгородской духовныхъ семинаріяхъ,—изъ коихъ (дѣтей) только на одного выдавалось скромное пособіе изъ суммъ училища въ количествѣ 20-ти рублей въ годъ и не всегда одинъ состоялъ на казенномъ содержаніи въ семинаріи,—поглощало все средства, какія доставляли о. Евгенію приходъ и земля. Обыкновенно въ началѣ учебнаго года въ августѣ мѣсяцѣ и вообще при наступленіи сроковъ взноса платы за содержаніе приходилось обращаться къ унижающимъ достоинство духовнаго отца займамъ у зажиточныхъ изъ крестьянъ, а также—силою и рядомъ къ экстренной продажѣ домашняго скота за безцѣнокъ. Не рѣдко, благодаря этому, наступало настолько критическое въ финансовомъ отношеніи время, что батюшка и матушка со слезами на глазахъ отъ горькаго насеннаго сознанія нужды должны были отказывать себѣ въ чаепитіи, этомъ невиннѣйшемъ и любимѣйшемъ ими удовольствіи.

Это же обстоятельство крайней нужды, вызывавшейся производствомъ непосильныхъ расходовъ по образованію дѣтей, заставляло о. Евгенія выполнять сельско-хозяйственныя работы

собственными личными средствами семьи и даже часто, за недостатком средств, без помощи работника. Чаще всего, по встретившейся надобности в духовном отце, крестьянам приходилось находить его в обыкновенном мужицком костюме: сѣрой свиткѣ и грубых сапогахъ, при исполненіи самыхъ тяжелыхъ работъ, какъ молотба хлѣба, кошеніе травы, запашка и обѣжененіе земли, вывозка зимой лѣсу и дровъ и проч. Идиллически-патріархальную картину представлялъ совмѣстный трудъ о. Евгенія со своими дѣтми семинаристами и подростками учениками при косовѣ травы и уборкѣ сѣна и хлѣбовъ, по большей части продолжавшійся съ утренней зари до вечерней. При исполненіи экстренныхъ работъ, требующихъ быстрого массоваго труда, какъ косовка травы, уборка хлѣба и запашка земли при обѣжененіи, приходилось обращаться, по той же причинѣ финансовой безпомощности и вопреки личному убѣжденію о. Евгенія, къ посредничеству практикующихся въ мѣстномъ районѣ „помочей“, далеко не безупречныхъ съ нравственной точки зрѣнія, ибо хотя трудъ производится безплатно, но за уроженіе, въ результатѣ чего приходилось возиться съ пьяной толпой. Приобрѣтенные продолжительнымъ упорнымъ трудомъ навыки по части веденія сельскаго хозяйства и прилѣченіе нѣкоторыхъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ, въ видѣ, напр., ручной зерновѣялки, создали о. Евгенію въ глазахъ крестьянъ репутацію сытного агронома.

Такова была обстановка личной трудовой жизни о. Евгенія. Силошвой тяжелой физической трудъ, какъ главный источникъ пропитанія и образованія многочисленной семьи, составлялъ отличительную особенность этой жизни. При 105 р. положеннаго отъ казны жалованья въ годъ *) и 200 р. дохода отъ прихода, безъ прилѣженія напряженнаго труда въ дѣлѣ веденія сельскаго хозяйства, не представилось бы никакой возможности дать одному изъ сыновей высшее образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи, четыремъ полное среднее въ Олонецкой и Новгородской духовныхъ семинаріяхъ, двумъ—высшее въ Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ, двумъ дочерямъ въ Бѣлозерской женской гимназіи съ дополнительнымъ двухлѣтнимъ курсомъ руководѣнія и лишь одной старшей дочери—высшее въ Городищенской земской сельской школѣ, продолжить же дальнейшее образованіе дѣтямъ съ высшимъ образованіемъ оказалось

*) Увеличеніе жалованья до 300 р. въ годъ последовало лишь за 1½ года до смерти о. Евгенія.

дѣломъ непосильнымъ для о. Евгенія, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Три дочери о. Евгенія жили при отцѣ непристроенными изъ-за недостатка средствъ для надѣленія ихъ необходимою суммою въ видѣ приданого, составляющаго необходимое условіе при выходѣ замужъ.

Но какъ ни великъ и напряженъ былъ физическій трудъ въ интересахъ обезпеченія личной семейной жизни, онъ далеко не обвинялъ собою всей жизнедѣятельности о. Евгенія. Сознаніе пастырскаго долга было развито въ немъ въ высокой степени. Интересы личной жизни, при соприкосновеніи съ велѣніями пастырскаго долга, безусловно всегда отдавались имъ на второй планъ, поэтому за все продолжительное служеніе о. Евгенія церкви и паствѣ не было и не могло быть ни одного случая нареканія на злоупотребленіе этимъ долгомъ. При отправленіи богослуженія, совершеніи таинствъ и исполненіи того или другого обряда, несмотря на болѣзненное иногда состояніе и переутомленіе, не дѣлалось ни малѣйшихъ отступленій отъ буквы устава и практики церковной. Всякое заявленіе со стороны прихожанъ о необходимости требосправленія, часто доводимое ими до свѣдѣнія о. Евгенія въ страдную пору чрезъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, немедленно приводилось имъ въ исполненіе во всякое время дня и ночи. Для этой цѣли верховая ѣзда въ собственномъ сѣдлѣ служила излюблѣннѣйшимъ о. Евгеніемъ и необременительнымъ для крестьянъ способомъ передвиженія его по назначенію; лишь въ послѣдніе годы, по слабости здоровья, о. Евгеній вынужденъ былъ прибѣгать въ этомъ случаѣ къ незатѣйливымъ крестьянскимъ экипажамъ—телѣгѣ и санямъ. Ни одного дня въ теченіе святой четыредесятницы и страстной седмицы не посвящалось отдыху: великопостное служеніе чередовалось между Городищенской и приписной Слободской церквами, дабы доставить возможность каждому прихожанину исполнить христіанскій долгъ говѣнія. При обхожденіи деревень со св. крестомъ во время храмовыхъ и высокопраздничныхъ дней ни одна хижина вдовицы и безземельныхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ не оставлялись безъ молебствія и молитвословія изъ-за недостатка или отсутствія денежнаго вознагражденія.

Жители приходовъ „Городище“ и „Слободка“, будучи государственными крестьянами и не испытавъ на себѣ крѣпостной зависимости, отличались—отсутствіемъ любви къ церковности, разгуломъ, грубостію нравовъ и суетвѣріями, къ искорененію и смягченію которыхъ о. Евгеній приложилъ всѣ свои усилія и

энергію. Устроенная мѣстнымъ земствомъ за годъ до перемѣщенія о. Евгенія въ Городищенскій приходъ школа на всемъ остальномъ протяженіи своего существованія не могла оказать ему существенной услуги въ этомъ дѣлѣ, ибо роль вообще всякой сельской школы однокласснаго типа ограничивается лишь механическимъ развитіемъ грамотности въ смыслѣ элементарнаго чтенія, письма и счета, не затрагивая любознательности и склонности къ дальнѣйшему самообразованію, въ формѣ чтенія книгъ и внутреннему перевоспитанію, на началахъ церковности. Что касается Городищенской одноклассной сельской школы, то этому послѣднему явленію отчасти способствовали также не всегда удачный подборъ часто смѣнявшихъ другъ друга учителей, вовсе не имѣвшихъ склонности по своимъ нерѣдко рационалистическимъ убѣжденіямъ идти на встрѣчу желаніямъ о. Евгенія въ дѣлѣ перевоспитанія подросткающаго поколѣнія.

По установившемуся изстари обычаю, совершенію таинства брака предшествовало угощеніе причта въ домѣ одного изъ членовъ его, состоявшее изъ пива, привозимаго для этой цѣли въ боченкахъ, водки, наливокъ и всякаго рода съѣстнаго. Можно себѣ представить, какую грустную картину представляло въ результатѣ всего этого совершеніе таинства при сборищѣ въ храмѣ пьяной толпы: громкій разговоръ, смѣхъ и даже ругань чередовались съ невнятнымъ чтеніемъ и нетвердымъ, неровнымъ церковнымъ пѣніемъ совершителей таинства. Въ такомъ же родѣ изобильное угощеніе предлагалась иногда причту зажиточными крестьянами при крестинахъ, „сорочинахъ“ *) и въ особенности при обхожденіи причта со „святомъ“ во время храмовыхъ праздниковъ. Не выпить въ такихъ случаяхъ главѣ причта, не освятить актомъ благословенія подносимую рюмку съ водкой или братину съ пивомъ значило бы причинить неудовольствіе каждому домохозяйину. Наканунѣ и въ день храмовыхъ праздниковъ дѣлалась обыкновенно приношенія, — въ видѣ сула, я пива, и съѣстнаго въ часовни, расположенныя въ отдаленныхъ деревняхъ, гдѣ все это и потреблялось при участіи причта.

Фактъ совместиости подобнаго рода установившихся въ нѣкоторыхъ приходяхъ обычаевъ съ церковнослужебною обрядовою практикой давалъ основаніе къ художественнымъ воспроизведеніямъ, въ родѣ известной находящейся въ Третьяковской Галлерей картины, подъ наименованіемъ „Крестный ходъ“.

*) Поминовеніе усопшихъ въ 40-й день послѣ кончины.

Непривлекательную по своей неумѣстности картину представляло также собою изстари заведенное гуляніе молодежи обоего пола въ теченіе пасхальной недѣли на кладбищѣ вокругъ приходскихъ церквей: въ смыслѣ взаимнаго ухаживанія, игры на гармоніи, пѣвія пѣсенъ, танцахъ, спортѣ—въ видѣ испытанія прочности пасхальныхъ яицъ, бросанія прыжковъ черезъ рѣшетчатые церковныя ворота съ иконою наверху и проч. Кулачные бои, нерѣдко имѣвшіе мѣсто во время храмовыхъ праздниковъ даже при обхожденіи причтомъ деревень со „святомъ“; превратное толкованіе значенія праздниковъ, въ результатъ чего нѣкоторые изъ двенадцятихъ даже праздниковъ, какъ, напр. „Преображеніе Господне“, „Успеніе Богородицы“ и проч. въ представленіи прихожанъ занимали второстепенное значеніе между другими праздничными и даже будничными днями, при чемъ во время первыхъ производились обыкновенныя крестьянскія работы, тогда какъ, напр., въ теченіе 9-ти пятницъ со дня храмового праздника въ память Великомученицы Параскевы таковыя (работы) не производились; установившаяся практика обращенія къ помощи духовнаго врача въ случаяхъ тяжелой болѣзни лишь послѣ предварительнаго обращенія къ содѣйствію „знахарей“, „вѣдуновъ“, или „колдуновъ“; уклоненіе по нерадѣнію и индифферентизму отъ исполненія христіанскаго долга исповѣди и святаго причастія, а также—отъ посѣщенія святаго храма во время праздничнаго богослуженія; неуваженіе и грубое нерѣдко отношеніе къ членамъ причта,—все это послужило предметомъ настойчивой, продолжительной борьбы о. Евгенія съ цѣлю искорененія, измѣненія и исправленія въ духѣ православія и христіанскихъ началъ.

Для этой же цѣли, по предложенію о. Евгенія, устанавливаются празднованія съ крестнымъ ходомъ—въ приходѣ Городищѣ 26 іюля въ честь Тихвинской Божіей Матери и 9 сентября въ память Θεодосія, Черниговскаго Чудотворца,—при чемъ для встрѣчи освященной съ частицею мощей иконы Святителя устроены были о. Евгеніемъ величественный крестный ходъ за 25 верстъ, при участіи почти всего прихода и окрестныхъ прихожанъ,—и 6 августа при приписной Слободской церкви въ честь „Преображенія Господня“. Особенность вновь установленныхъ праздниковъ составляетъ ихъ строго церковнорелигіозный характеръ, безъ обычнаго при храмовыхъ праздникахъ разгула. Предписанныя Св. Синодомъ религіозно-нравственныя собесѣдованія въ промежутокъ времени между утреней и литургіей

приводились въ исполненіе о. Евгеніемъ не ради только буквы предписанія, а по чистому побужденію просвѣтить свѣтомъ христіанской истины, хотя въ нѣкоторой степени, ту темную массу, которая съ каждымъ новымъ актомъ собесѣдованія увеличивала собою аудиторію искуснаго народнаго собесѣдника.

Постоянная забота о благоуукрашеніи вѣрннхъ попеченію о. Евгенія храмовъ Божіихъ составляетъ новую отличительную черту многосторонней дѣятельности ревностнаго пастыря. За время его пастырства расширена теплая каменная церковь въ честь св. Кирилла, Новозерскаго Чудотворца, устройствомъ новой панерти, съ обращеніемъ прежней для увеличенія площади церкви, заведенъ превосходный для сельской церкви звонъ изъ двухъ новыхъ колоколовъ въ 150 пудовъ вѣсомъ, съ переливкою стараго колокола въ 50 пудовъ; водруженъ надъ холодною церковію въ честь Св. Великомученика Димитрія Солунскаго новый внушительный крестъ; обѣ церкви, каменная и деревянная въ честь Великомученицы Параскевы, вмѣстѣ съ кладбищемъ обнесены величественной каменной оградой, покрытой желѣзомъ, съ башенками и двумя большими красной архитектуры воротами; перекрыты съ покраскою масляною краскою крыши церковей съ главами; пріобрѣтены бархатныя хоругви и серебряныя—чаша, потиръ, кадило и блюдечко для теелоты; передѣланы изъ заброшеннаго преемниками великолѣпнаго малиноваго цвѣта бархата расшитыя серебромъ плащаница и двои парадныя ризы, значительно пополнены ризница и утварь и т. п.; при чемъ все это выполнено исключительно на церковныя суммы и добровольныя дополнителныя подаванія прихожанъ.

Въ теченіе продолжительнаго священнослуженія о. Евгеній исполнялъ должность денгута на епархіальномъ съѣздѣ и неоднократно—на уѣздныхъ съѣздахъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, въ виду возбужденнаго вопроса о закрытіи Бѣлозерскаго духовн. училища и сличеніи его съ Кирилловскимъ, выступалъ горячимъ агитаторомъ въ пользу оставленія училища въ Бѣлозерскѣ, ибо и въ послѣднемъ случаѣ необезпеченному духовенству съ окраинъ уѣзда приходится возить своихъ дѣтей въ уѣздный городъ за 200 верстъ, что, съ перемѣщеніемъ училища въ Кирилловъ, увеличивало бы расходы по образованію дѣтей. Неоднократно состоя въ должности помощника благочиннаго, о. Евгеній, какъ одинъ изъ выдающихся священнослужителей десятка, былъ назначенъ внослѣдствіи благочиннымъ 3-го округа Бѣлозерскаго уѣзда, каковую должность исполнялъ въ

теченіє 13-ти лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Во время благочинія о. Евгенія была отстроена и имъ освѣщена каменная церковь во имя Св. Николая, взамѣнъ пришедшей въ ветхость деревянной, въ приходѣ Ломпѣ. При ревизіи церковей о. Евгеній обращалъ вниманіе на правильное веденіе разнаго рода отчетныхъ книгъ, представляемыхъ въ консисторію. Изъявъ изъ употребленія установившуюся практику взиманія въ пользу благочиннаго разнаго рода сборовъ, и постоянно съ великою готовностію отзываясь на нужды церковей и причтовъ своего десятка, о. Евгеній снискалъ среди послѣднихъ искреннее уваженіе и признательность, выразившіяся въ устройствѣ 15 сентября 1895 года подчиненными юбилейнаго чествованія по случаю 25-ти лѣтія священнослуженія его, съ поднесеніемъ во время молебствія иконы Спасителя и произнесеніемъ приличествующихъ случаю рѣчей. Юбилейное чествованіе 40-ка лѣтія священно-служенія о. Евгенія, имѣвшее мѣсто 14 сентября 1900 года, по его желанію состоялось въ семейной обстановкѣ, безъ участія священнослужителей сосѣднихъ церковей, ограничившись подношеніемъ дѣтми покойнаго юбиляра цѣнной иконы, съ изображеніемъ ликовъ св. мучениковъ Евгенія и Агнія, имена коихъ носили юбиляръ и его покойная супруга. Труженническая, исполненная долгая жизнь о. Евгенія не безъ шиновъ прошла для него. Вскорѣ же, послѣ перемѣненія его въ Городищенскій приходъ, установились недружелюбныя къ нему отношенія со стороны одного изъ членовъ причта, считавшаго себя обиженнымъ за отказъ о. Евгенія дать одобрительный о немъ отзывъ на предметъ полученія стихаря, на что, впрочемъ, у о. Евгенія были серьезныя основанія. Недружелюбныя, даже враждебныя отношенія перешли вскорѣ въ месть со стороны упомянутаго лица, выразившуюся въ злостномъ сокрытіи св. антиминса изъ холодной Димитріевской Городищенской церкви. Святотатственный проступокъ этотъ обнаружился, конечно, совершенно неожиданно для о. Евгенія во время литургіи въ первый день Св. Пасхи и, хотя произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, но не лишилъ самообладанія, такъ что богослуженіе было обычнымъ порядкомъ продолжено и закончено на другомъ антиминсѣ, позаимствованномъ имъ изъ теплой церкви. Несмотря на очевидность уликъ, виновникъ проступка не сознался въ злодѣяніи и былъ перемѣненъ въ другой приходъ въ результатѣ произведеннаго разслѣдованія.

Знаменательный для о. Евгенія по своему грустному когда то описанному происшествію великій день Воскресенія Христова

17 апрѣля 1905 г. былъ, какъ сказано, *dies natalis* для его вѣчной жизни въ загробномъ мірѣ. Будучи отъ природы одаренъ здоровымъ организмомъ, о. Евгеній лишь въ рѣдкихъ случаяхъ жаловался на головныя боли, сопровождавшіяся иногда рвотой. Но физическое переутомленіе и въ особенности рѣзкій переходъ отъ подвижной трудовой жизни къ сидячей канцелярской въ періодъ благочинія, когда по цѣлымъ ночамъ приходилось засиживаться за отчетными книгами, изъ коихъ нѣкоторыя (своего прихода и Мегринскаго) о. Евгеній самолично составлялъ, и сообщеніемъ разнаго рода отчетныхъ свѣдѣній и заключеній консисторіи, надорвали крѣпкій организмъ, заставили добровольно просить Архіепископа объ освобожденіи отъ должности благочиннаго.

За полтора года до кончины о. Евгенія съ нимъ произошелъ обморочный припадокъ зимою, часу въ пятомъ утра, во время пути къ утреннему богослуженію. Придя въ себя послѣ продолжительнаго лежанія на снѣгу и слясъ подняться на ноги, вмѣсто этого о. Евгеній оказался довольно значительное время въ висачемъ положеніи на ногѣ, застрявшей между половицами на самомъ краю ветхаго рѣчного моста. Такой же обморочъ повторился съ нимъ во время сна въ февраль мѣсяцъ сего года и окончательно надорвалъ его силы, отразившись въ сильной степени на памяти въ смыслѣ забывчивости. Третій припадокъ со смертельнымъ исходомъ произошелъ ко время утренняго богослуженія въ первый день Пасхи сего года.

Ничто не предвѣщало наканунѣ этого дня грустной развязки, наоборотъ, вечеромъ о. Евгеній былъ въ хорошемъ настроеніи духа, за часомъ даже шутилъ съ дочерьми и, какъ бы прощаясь съ разбросанными въ разныхъ концахъ Новгородской губерніи и Европейской Россіи своими дѣтьми и внучатами, разсматривалъ фотографическіе снимки съ нихъ, послѣ чего отправился на ночь въ церковь, какъ это всегда имѣлъ обыкновеніе дѣлать, гдѣ, приготовляясь къ высокотожественному богослуженію, занимался чисткою священной утвари. Отслуживъ обычнымъ порядкомъ полунощницу, бодро обошелъ о. Евгеній кругомъ храма при пѣніи: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“...; пропѣлъ твердымъ голосомъ высокородное: „Христосъ воскресъ“, но во время кажденія во второй пѣсни вдругъ поблѣднѣлъ, зашатался среди церкви, былъ усаженъ прихожанами на табуретъ и, несмотря на усиленныя просьбы своихъ присутствующихъ за богослуженіемъ трехъ дочерей прекратить богослуженіе,

замѣтилъ имъ удивленно и какъ бы съ упрекомъ: „что вы, вѣдь я здоровъ“, и, послѣ непродолжительнаго отдыха, приступилъ было къ продолженію прерваннаго богослуженія. Но силы стали оставлять священнослужителя и, при каждомъ во-кругъ престола во время третьей пѣсни, страдалецъ пастырь опять зашатался, былъ поддержанъ церковнымъ сторожемъ, разоблаченъ и отвезенъ на телѣгѣ въ сопровожденіи громадной толпы прихожанъ, на рукахъ втащившихъ телѣгу съ дорогимъ батюшкою черезъ роковой рѣчной мостъ въ гору къ его дому. Въ семь (7) часовъ, не приходя въ сознаніе, скончался великій труженикъ Церкви Христовой смертію истаго духовнаго воина, въ буквальномъ смыслѣ слова стоя на посту.

На третій день послѣ кончины состоялось погребеніе почившаго при участіи протоіерея Мегринской Успенской церкви о. Іоанна Воробьева, Священниковъ Срѣтенской Ковжской церкви о. Платона и сына почившаго, священника Кемосельской Вознесенской церкви о. Федора, сказавшаго прочувствованное слово о значеніи для прихожанъ жизнедѣятельности своего отца, вызвавшее всеобщій плачъ и рыданіе между присутствующими, стоявшими даже снаружи церковью, за недостаткомъ мѣста. При опусканіи останковъ въ могилу многіе изъ прихожанъ, желая отдать послѣдній долгъ своему духовному отцу, взобрались даже на ограду и крыши церковныхъ построекъ.

Въ трогательной по своей величественной патріархальности сценѣ, какую представлялъ собою актъ сопровожденія прихожанами своего умирающаго пастыря на телѣгѣ при помощи своихъ мускуловъ; въ этомъ чистосердечномъ по своей непосредственности и безыскусственности потокѣ ихъ слезъ и рыданій, вызванныхъ надгробнымъ словомъ сына почившаго пастыря; наконецъ, въ этомъ массовомъ стеченіи прихожанъ, переполнившихъ собою въ день погребенія обѣ церкви и взбиравшихся на крыши, дабы отдать послѣднее „прости“ своему духовному отцу,—сказались какъ наилучшая оцѣнка жизнедѣятельности о. Евгенія, такъ и правоспособность тѣхъ вышеуказанныхъ началъ, характеризующихъ личность почившаго пастыря, какія неуклонно примѣнялись имъ на всемъ протяженіи „пастырскаго дѣланія“. Не безучастно относились къ дѣятельности о. Евгенія и при его жизни какъ паства,—въ формѣ-обращенія по его адресу одобрительныхъ отзывовъ, похвалъ, сопоставленія его дѣятельности въ исключительно благопріятномъ для него смыслѣ съ таковою же (дѣятельностію) окрестнаго духовенства и крайне сочувственнаго отношенія къ нему при

смерти его супруги, — такъ и духовенство вѣреннаго ему бывшаго благочинія, какъ уже объ этомъ выше сказано. Широкою волною распространялась добрая молва о священникѣ Городищенскаго прихода. Немаловажное значеніе, несомнѣнно, придавало жизнедѣятельности о. Евгенія и высшее епархіальное начальство, вручивъ ему руководство благочиніемъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ и удостоивъ его наградами до наперснаго креста и ордена св. Анны 3-й степени включительно. Но высшею наградою для о. Евгенія за понесенные имъ въ жизни труды были та искренняя и преданная любовь и величайшее уваженіе, какими онъ былъ постоянно окруженъ и въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни со стороны своихъ дѣтей, исключительно обязанныхъ ему своимъ воспитаніемъ, образованіемъ и настоящимъ общественнымъ положеніемъ.

Миръ праху твоему и вѣчная память тебѣ, неутомимый труженикъ нивы Христовой и добрый отецъ!

И.....вз.

Манчжурія
дер. Туянку
27 авг. 1905 г.

Хроника епархіальной жизни.

Въ залѣ городской думы 27-го октября вечеромъ состоялось засѣданіе особой думской комиссіи при участіи всѣхъ городскихъ священниковъ, съ преосвященнымъ Θεодосіемъ во главѣ, и въ присутствіи многочисленной публики. Видимо всѣ съ напряженнымъ интересомъ ждали, что скажетъ наше городское духовенство по поводу послѣднихъ событій, и какія предложить съ своей стороны мѣропріятія для общаго умиротворенія.

Преосвящ. Θεодосій, открывая засѣданіе, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Въ виду той смуты, которая, послѣ небывалыхъ доселѣ всевозможныхъ и повсюдныхъ забастовокъ, охватила теперь многіе города нашего обширнаго отечества и которая въ послѣдніе дни коснулась и нашего города, въ виду той опасности, которая отъ подобныхъ волненій, въ случаѣ ихъ повторенія, угрожаетъ благоденствію нашего отечества и личному благополучію каждаго изъ насъ, — желательно принять скорѣйшія и безотлагательныя мѣры въ предупрежденію возможныхъ